

В комнате остались только Иньжэн и Хунши.

Иньжэн бережно обтер лицо, шею и подмышки мальчика, переодел его в чистые сухие одежды и прилег рядом. Склонившись к самому уху малыша, он тихонько позвал:

— Юнцзин... Юнцзин...

Хунши слышал смутный шум вокруг себя, но не мог даже разомкнуть губ — на это просто не хватало сил. Все тело изнывало от жара, дышать было тяжело и невыносимо душно.

Кто-то звал его:

— Юнцзин...

«Кто такой Юнцзин? Кто это говорит?» — Хунши беспокойно нахмурился.

На лоб легла приятная прохладная ткань, а чьи-то пальцы принялись мягко массировать переносицу, разглаживая складку между бровей. Кто же это?

— Юнцзин, Юнцзин...

«Неужели зовут меня? Но я не Юнцзин! Я — Хунши. Третий принц Хунши, лишенный имени и вычеркнутый из императорской родословной волей собственного отца, великого государя Иньчжэня. Хунши, которого сочли предателем, неблагодарным и неблагочестивым сыном. Тот, у кого не осталось ничего...»

— Юнцзин, Юнцзин...

В этом голосе слышались такая нежность, тревога и щемящая жалость, что становилось завидно. Как же, должно быть, счастлив тот, кого так зовут! Какая мучительная, горькая зависть... Разве хоть кто-то в прежней жизни окликал его с такой теплотой?

Кажется, никто.

«В детстве матушка звала меня с лаской и надеждой, но потом в ее голосе поселились лишь разочарование и вечные, унижительные мольбы. А отец... Отец почти никогда не называл меня по имени просто так. В памяти остались лишь его гневные окрики. Конечно, я сам был виноват... Но неужели он ни разу не окликнул меня спокойно, без злости, когда я был совсем маленьким? Не помню. Наверное, это все-таки было...

Голос восьмого дяди всегда сочился мягкостью, но ведь он со всеми говорил одинаково тепло.

И все же мне так нравилось, когда он неторопливо, нараспев произносил мое имя. А порой не нравилось — если в его тоне сквозила обреченная досада. Это значило, что я снова перечил отцу, ставя дядю в неловкое положение...

Но восьмого дяди больше нет. Да и отец мне больше не отец... Пойдите. Откуда я все это помню? И где я?»

Иньжэн заметил, как затрепетали ресницы Хунши. Малыш беспокойно зашевелился, по телу пробежала судорога. Бросив полотенце, Иньжэн резко задернул тяжелый полог кровати, укрывая их от чужих глаз. Он крепко обнял содрогающееся тельце и зашептал горячо, прямо в ухо:

— Хунши... Хунши!

«Хунши, Хунши...» Кто это? Кто снова зовет меня прежним именем?

— Хунши, послушай меня. Теперь ты Юнцзин, младший брат моего Юнцзи... Хунши, ты ведь уже однажды умер. Почему бы теперь не попытаться просто жить? Прошлого не вернуть, да и не стоит его ворошить. Тебе дарована новая жизнь с самого начала. Почему ты никак не отпустишь былые обиды?

«Нет! Забыть все? Но останусь ли я тогда Хунши? Если я отрекусь от прошлого, то кем я стану? Кто я буду такой?»

— Хунши, пойми: никто не заставляет тебя заковывать себя в кандалы былого. В некоторых вещах нет правых и виноватых, сколько ни думай — правды не сыщешь. В жизни так мало мгновений, когда можно позволить себе побыть безрассудным. Зачем же вечно изводить себя сожалениями? А если не жалеешь, к чему эти бесконечные мысленные споры с теми, кого уже нет?.. Прошлого не воротишь, но впереди у тебя целая жизнь. Судьба дала нам редчайший, невероятный шанс. Нужно жить дальше... Хунши, ты — это ты, но сейчас ты еще и Юнцзин.

Иньжэн перевел дух, прижимая к себе горячего младенца еще крепче:

— Хунши! Не будь эгоистом. В этой жизни у тебя есть любящая мать. И есть я — твой старший брат. Я ведь клялся себе, что больше никогда и ни в кого не поверю. Но ради тебя решил рискнуть... Глупый ты сорванец, я ведь берегу тебя, балую, а ты вздумал уйти? Хочешь оставить меня одного наедине с этой проклятой тайной? Я же с ума сойду от одиночества! Хунши, ты не можешь бросить своего второго дядю... Поправляйся, слышишь? Обещаю, больше не буду над тобой подшучивать. Только живи, Хунши... Хунши...

В сознании вспыхнули воспоминания о днях, прожитых в новом теле. Хунши постепенно затих. Все верно... Он ведь умер. Умер и возродился вновь, став тринадцатым сыном Хунли. У него теперь есть не слишком умная, но искренне любящая матушка-императрица, которая вечно терпит обиды от фавориток. И не по годам серьезный старший брат, в чьем теле живет

мятежная душа свергнутого наследника Иньжэна — его второго дяди. И они ведь действительно обещали друг другу выжить в этой золотой клетке...

— Хунши, Хунши...

«Дядя... он что, плачет?»

На шею Хунши упала холодная, солоноватая капля. Голос Иньжэна совсем сорвался, задрожал.

«Ну надо же... Дядя, прекрати. Я ведь всего лишь приболел, к чему устраивать такие проводы? Расчувствовался так, что у меня самого слезы наворачиваются...»

Иньжэн пытался говорить разумные, успокаивающие слова, но чем дольше он шептал, тем горше становилось на душе. Он вспомнил, как в прошлой жизни его старший сын Хунси вечно ворчал на него, заботясь о его здоровье... Хунши хотя бы оплакивали собственные дети. А кто вспомнил добрым словом самого Иньжэна, когда он испустил последний вздох во дворце Сяньань?

Страх остаться в полном одиночестве, терзавший его весь день, смешался со старыми обидами и свежей болью. Свергнутый наследник, укрывшись за пологом, беззвучно разрыдался, прижимая к себе племянника. Лишь спустя несколько минут он почувствовал нечто странное: крохотная, слабая ладошка мягко похлопывала его по плечу.

Утерев слезы рукавом, Иньжэн заглянул под полог. На него смотрели темные, влажные глазки плачущего младенца. Хунши пришел в себя!

Иньжэн тут же крикнул в сторону двери:

— Линь Яо! Быстро неси отвар для... для Юнцзина!

Линь Яо, карауливший снаружи, то и дело прижимался ухом к створке. До этого в комнате царила пугающая тишина, заставлявшая его сердце испуганно сжиматься. Услышав хриплый, взволнованный голос хозяина, слуга вздрогнул, но тут же облегченно перевел дух: раз требуют лекарство, значит, тринадцатый принц наконец очнулся.

Матушка Жун не выдержала первой и нетерпеливо распахнула дверь. Линь Яо и служанки торопливо скользнули следом, плотно притворив створки. Но стоило им обогнуть ширму, как они застыли в изумлении.

Маленький тринадцатый принц мертвой хваткой вцепился в воротник двенадцатого и ни в какую не желал отпускать. Юнцзи приходилось стоять на четвереньках, упираясь ладонями в постель, чтобы случайно не раздавить больного брата. Услышав шаги, он обернулся к вошедшим — на его лице читалась крайняя степень растерянности.

Матушка Жун и Линь Яо знали Иньжэна еще с его младенчества в прошлой жизни, но никогда прежде не видели этого обычно хладнокровного и величественного человека в столь нелепом положении. К тому же при ближайшем рассмотрении оба принца выглядели уморительно: их заплаканные лица были густо испачканы грязью и слезами, точь-в-точь как у бездомных котят.

Императорский лекарь Гао шагнул вперед, намереваясь прощупать пульс Хунши, но пальцы ребенка сжимали ткань столь вкуче, что это было невозможно сделать. Кое-как Линь Яо помог Иньжэну сбросить верхнее платье, освободив его из плена. Измученный принц со вздохом облегчения опустил на край постели. Стоило Хунши почувствовать, что его ладошка опустела, как его губы обиженно задрожали, грозя новым плачем. Иньжэн поспешно перехватил его крохотные пальцы своими:

— Я здесь, я рядом...

Лекарь Гао сосредоточенно выслушал пульс и с облегчением произнес:

— Жар еще не спал до конца, однако удар сердца выровнялся, угроза миновала. Стоит принять еще несколько доз отвара и строго беречь его высочество от сквозняков.

Ребенок не ел целый день, а младенческий желудок слаб. Цзылань приготовила легкую питательную кашу на козьем молоке и скормила больному несколько ложек. Затем Иньжэн принялся терпеливо поить брата горьким лекарством. Хунши послушно, без капризов выпил все до капли.

Глаза тринадцатого принца слипались, он едва соображал, но упорно боролся со сном, не выпуская пальцев старшего брата. Иньжэн вздохнул и жестом велел Линь Яо помочь ему раздеться. Матушка Жун, глядя на эту трогательную картину, велела Бияо принести свежее постельное белье. Кое-как устроив обоих мальчиков, слуги бесшумно удалились. Иньжэн, вымотанный до предела дневными страхами, едва коснулся головой подушки и мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

На следующий день императрица Нала смотрела на стоящего перед ней Юнцзи и не знала, плакать ей или смеяться. Накануне, едва очнувшись от тяжелого сна, она первым делом услышала от матушки Ли добрую весть: тринадцатый принц пришел в себя, выпил лекарство и снова заснул. Бросившись в его покои, императрица осторожно приоткрыла полог кровати и замерла.

Юнцзи спал на самом краю постели, бережно прижимая к себе младшего брата правой рукой, пока его левая ладонь оставалась в надежном плену у малыша. Они лежали голова к голове и сладко сопели. Сердце Налы испуганно екнуло. Она склонилась над ними и поочередно коснулась их лбов. Слава небу, у Юнцзи жара не было, а у Юнцзина он заметно спал.

Опустившись на край кровати, императрица со щемящей нежностью погладила похудевшие за день щеки Хунши, а затем перевела взгляд на бледное, не по-детски серьезное личико Иньжэна. Этому ребенку исполнилось всего три года, но он уже взвалил на свои плечи

непосильную заботу о тех, кто ему дорог.

Нала прикрыла глаза, сокрушенно вздохнула и поднялась, бережно задернув занавески. Матушка Жун вполголоса передала ей наставления лекаря Гао. Императрица молча кивнула, а затем обвела ледяным взглядом присутствующих в комнате слуг. Стоило ей произнести лишь несколько тихих, но зловещих слов, как вся прислуга до единого человека рухнула на колени, дрожа от страха. Оставив матушку Ли приглядывать за детьми, Нала оперлась на руку матушки Жун и покинула покои.

Притянув Юнцзи к себе, императрица ласково взъерошила его волосы. Ее мальчик рос невероятно упрямым и своевольным, переубедить его было невозможно, но, к счастью, он всегда точно знал меру.

Встретившись с его умильной, заискивающей улыбкой, Нала не выдержала. Напускная суровость слетела с ее лица, уступив место мягкости, и она шутливо щелкнула сына по носу.

Тот послушно сморщился и протянул с притворным упреком:

— Матушка-императрица...

— Юнцзи, я не сержусь, — улыбнулась наконец Нала. Заключив мальчика в объятия, она заговорила с глубокой, щемящей нежностью: — Но пообещай мне, что будешь беречь себя. Нельзя так испытывать собственное здоровье. Я не уберегла тебя в прошлые годы, ты рос слабым... Пожалуйста, не пытайся прыгнуть выше головы.

Уткнувшись носом в плечо матери, Иньжэн послушно закивал. Быть согретым материнской любовью — это чувство кружило голову.

Наконец Нала отпустила его. Иньжэн выпрямился, и на лицах матери и сына мгновенно появились безупречные, маскирующие любые чувства придворные улыбки. Императрица задумчиво оглядела свои ухоженные ногти:

— А с теми тварями, что продались чужакам...

Иньжэн небрежно потянулся за кунжутным печеньем:

— Стоит ли матушке марать о них руки? Для этого ведь существует Палата наказаний.

Нала сдержанно, но хищно улыбнулась:

— И то верно.

Иньжэн не знал, сколько завистников кусали локти от досады, узнав о чудесном спасении тринадцатого принца. Ему было глубоко плевать и на то, как судорожно негодяи пытались замести следы, попутно замышляя новые козни. Линь Яо и его люди уже собрали достаточно улик, чтобы в любой момент нанести сокрушительный удар.

Свергнутый наследник лишь презрительно усмехался: «Покуситься на тех, кто мне дорог, и надеяться выйти сухими из воды? Не бывает этому».

В отместку он устроил скрытую, но масштабную чистку: внезапно то один, то другой принц в императорской обители занемог, а следом слегли и несколько их венценосных матерей. Глядя на панику, охватившую вражеских шпионов во дворе, Иньжэн лишь холодно улыбался. Впрочем, рубить с плеча он не собирался. Позволив Нале навести образцовый порядок во дворце Икунь и в собственных покоях, вышвырнув самых наглых предателей, он запер двери и приготовился наблюдать за разворачивающимся представлением.

После выздоровления Юнцзина император Цяньлун нанес несколько визитов, однако его приходы больше походили на казенное исполнение долга. Впрочем, во дворце Икунь никто по этому поводу не проливал слез. Видя, как тринадцатый принц с каждым днем наливается силами, все вздохнули с облегчением, и на лица слуг вернулись искренние улыбки.

На этот раз Нала под предлогом слабого здоровья уклонилась от устройства императорского смотра невест, передав бразды правления вдовствующей императрице Нюхуру. Дворец Накопленного Изящества вскоре заполнили юные красавицы, и в закрытом мире гарема вновь закипела бурная жизнь.

Дворец Продления Счастья больше не мог похвастаться прежним безраздельным влиянием. Внимание государя все чаще привлекала наложница Си. К тому же девица из клана Нюхуру, едва переступив порог дворца, получила титул благородной дамы. Вдовствующая императрица не скрывала своей радости и ежедневно призывала родственницу к себе для бесед. Мутная вода в глубинах гарема зашевелилась, грозя превратиться в бурный водоворот.

Императрица Нала оставалась безучастной к этим интригам, незыблемо храня покой во дворце Икунь. Иньжэн тоже не обращал внимания на мышиную возню соперниц. Ему было вполне достаточно того, что Хунши наконец окреп и повеселел. Лишь изредка, вспоминая безвременно ушедшую пятую принцессу, Иньжэн невольно мрачнел, и в его глазах сквозила глубокая, затаенная печаль.

Хунши терпеть не мог этот тоскливый, отсутствующий взгляд старшего брата. Кряхтя от усердия, он перевалился через край колыбели и буквально рухнул в объятия Иньжэна. Почувствовав, как тело старшего на миг напряглось от неожиданности, а затем тут же бережно подхватило его, Хунши зажмурился от хлынувшего тепла. Внутри него забавно перемешались восторг от удавшейся шалости и щемящая, сладкая нежность — его любят, о нем заботятся.

Застигнутый врасплох этой внезапной атакой, Иньжэн действовал быстрее, чем успевал

сообразить. Инстинктивная настороженность мгновенно уступила место мягкости: он бережно обнял шаловливого карапуза, который еще толком не умел стоять на ногах, и поудобнее усадил его на коленях.

Ощувив эту бережную заботу и вспомнив сквозь полузабытые лихорадки те отчаянные, полные боли слова, Хунши шмыгнул носом. Уткнувшись личиком в грудь Иньжэна, он тихонько пролепетал:

— Брат... Брат...

Иньжэн машинально отозвался, но тут же замер, пораженный до глубины души. Малыш заговорил! И его первым словом было не «мама», а «брат»!

Невероятная, чистая радость затопила сердце свергнутого наследника. В прошлой жизни из-за его высокого положения все — даже те, кого он взрастил собственной рукой — держались с ним подчеркнуто почтительно и отстраненно. В этом же земном воплощении судьба вновь заперла его в стенах запретного дворца, но лишила бремени власти, подарив взамен удивительную свободу. Оказалось, у немилости есть свои скрытые щедроты. Он познал тепло материнской защиты, а теперь обрел родную душу в лице этого ершистого, но такого преданного младшего брата. Пусть даже тот тоже явился из царства теней.

Иньжэн ласково коснулся пухлой щечки Хунши, его губы тронула теплая улыбка. С самого своего перерождения он больше всего боялся, что небеса сыграют с ним злую шутку и вернут в этот мир его безжалостных, хищных братьев из прежней жизни. К счастью, провидение пощадило его.

Прижавшись лбом к крохотному плечу Хунши, Иньжэн сморгнул набежавшие слезы облегчения.

Сейчас... все действительно хорошо.

<http://bllate.org/book/18338/1785093>